

О. В. Родный
Днепропетровск

КОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РУССКОЙ СМЕХОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА

Художній текст завжди містить в собі певний код, укладений в систему виразних засобів. Саме він дозволяє розпізнати, дешифрувати закладений у творі зміст. Код - це набір певних правил в тексті. Його ефект залежить від знання культурних, соціальних чи літературних кодів, звичних моделей поведінки, домінуючих або традиційних відносин, літературних персонажів, подій або стилів.

Знаменним етапом в еволюції комічного в російській літературі є зародження в XVII ст. сатиричної повісті. Сміх – це дієвий інструмент комунікації, тому він перешкоджає прагненню до відокремлення. Більш того, сміх стирає соціальні відмінності, сприяє інтеграції суспільства. Як справедливо вважав А.Бергсон, основна задача сміху – боротьба з відсталістю, автоматизмом. Сміх також покликаний пом'якшувати соціальні суперечності, переводячи їх в іншу – сміхову – систему координат.

В російській демократичній комічній літературі XVII ст. простежується взаємозв'язок трьох комічних кодів: гумористичного, пародійного і сатиричного. Вони можуть бути представлені в творі різною мірою, в різній комбінації, проте в обов'язковій мірі несуть в собі пізнавані «знаки», форми, стилістичні прийоми. Однак сатиричний код є вторинним, він розкривається, впізнається лише після пародійного або гумористичного.

Ключові слова: сміх, код, сатира, сатирична повість, знак.

Художественный текст всегда содержит в себе некий код, заключенный в систему выразительных средств. Именно он позволяет распознать, дешифровать заложенный в произведении смысл. Код – это набор определенных правил в тексте. Его эффект зависит от нашего знания культурных, социальных или литературных кодов, привычных моделей поведения, доминирующих или традиционных отношений, литературных персонажей, событий или стилей.

Знаменательным этапом в эволюции комического в русской литературе является зарождение в XVII в. сатирической повести. Смех – действенный инструмент коммуникации, поэтому он препятствует стремлению к обособлению. Более того, смех стирает сословные различия, способствует интеграции общества. Как справедливо считал А. Бергсон, основная задача смеха – борьба с косностью, автоматизмом. Смех также призван смягчать социальные противоречия, переводя их в другую – смеховую – систему координат.

В русской демократической комической литературе XVIIв. явно прослеживается взаимосвязь трех комических кодов: юмористического, пародийного и сатирического. Они могут быть представлены в произведении в разной степени, в разной комбинации, однако в обязательной мере несут в себе узнаваемые «знаки», формы, стилистические приемы. Однако сатирический код является вторичным, он раскрывается, узнается лишь после пародийного или юмористического.

Ключевые слова: смех, код, сатира, сатирическая повесть, знак.

Literary text always contains a certain code, enclosed in a system of expressive means. It allows to identify, decipher the meaning inherent in the text. Code is a set of rules defined in the text. Its effect depends on knowledge of the cultural, social and literary codes, habitual patterns

of behavior, the dominant or traditional relations, literary characters, events, or styles.

A significant stage in the evolution of the comic in Russian literature is the emergence the satirical novel in the XVII century. Laughter is an effective communication tool, so it prevents the tendency to isolation. Moreover, laughter erases class distinctions, facilitates the integration of society. As rightly considered A. Bergson, the main task of laughter is to fight against inertia, automatism. Laughter is also intended to alleviate social contradictions, transferring them to another - of laughter - the coordinate system.

In the Russian XVII century democratic comic literature clearly traced the relationship of three comic codes: humorous, parody and satire. They can be represented in the text to varying degrees, in different combinations, but mandatory least carry a recognizable "characters", forms, stylistic devices. However satirical code is secondary, it is revealed, is recognized only after the parody or humorous codes.

Keywords: *laugh, code, satire, satirical tale, sign.*

Смех как сильнейший коммуникативный фактор, пронизывающий существенные сферы общественной жизни, раскрывается в его универсальном мировоззренческом характере. В «большом времени культуры» (М. Бахтин) смеховое самообновление сознания предстает одним из основных импульсов развития и взаимодействия форм духовно-практической деятельности человека и общества, важным инструментом, способствующим пониманию общественных процессов настоящего, и ценностно-регулятивным критерием, очерчивающим векторы будущего развития социума.

Комического, его виды и формы проявления исследовали крупнейшие мыслители, начиная с античности: Платон, Аристотель, И. Кант, Ф. Гегель, Ф. Ницше, А. Бергсон, З. Фрейд. Проблемой комического в искусстве в отечественной науке занимались М. Бахтин («Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»), Д. Лихачев («Смех в Древней Руси»), В. Пропп («Проблемы комизма и смеха»), Ю. Борев («О комическом»), А. Вулис («В лаборатории смеха») и др. В их работах рассматриваются виды комического и способы их выражения в произведениях разных историко-литературных периодов и жанров. Тем не менее, приходится констатировать, что проблема смеха до сих пор остается малоизученной.

Художественный текст всегда содержит в себе некий код, заключенный в систему выразительных средств. Именно он позволяет распознать, дешифровать заложенный в произведении смысл. Это происходит за счет погружения читателя в социокультурный контекст произведения, обозначенный системой кодов. Очевидно, что онтологический статус произведения во многом определяется способностью читателя (реципиента) взаимодействовать со смысловой нагрузкой художественного текста, что опять-таки приводит нас к необходимости различать и расшифровывать заложенную в произведении схему коммуникации. Но художественный текст представляет собой открытую систему: он представляет собой результат пересечения многих социально-культурных отношений. «И в зависимости от масштаба контекста, в котором рассматривается художественный текст, можно говорить об интерсистемном

характере отдельного текста, о художественных, эстетических, морально-этических, исторических и др. смыслах, которые читатель находит в отдельно взятом тексте исходя из масштаба контекста его восприятия, включения в информационно-эмоциональное, национальное, общекультурное пространство» [7, с. 26].

Таким образом, для того, чтобы воспроизвести редуцированную картину мира, необходим специфический художественный код, определенный набор ожиданий, реализуемый в сознании читателя, который уже обладает определенным набором знаний и ассоциаций о предложенной в тексте проблеме. Код – это набор определенных правил в тексте. Его эффект зависит от нашего знания культурных, социальных или литературных кодов, привычных моделей поведения, доминирующих или традиционных отношений, литературных персонажей, событий или стилей.

Знаменательным этапом в эволюции комического в русской литературе является зарождение в XVII в. смеховой повести. Об особенностях смехового мира в русской демократической литературе этого периода говорит Д. Лихачев в указанной монографии, однако основное внимание он уделяет доказательству своей теории о раздвоении смехового мира в средневековом общественном сознании и к смеховым текстам указанного периода обращается в качестве иллюстративного материала. В настоящей статье рассматриваются коды комического, их взаимодействие в русских смеховых повестях XVII в. М. Бахтин предложил свою интерпретацию смеха и народной культуры. Его работа «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» предполагает существенную реконструкцию художественного и идеологического сознания [2]. В эпоху Ренессанса, указывает исследователь, смех стал выражением нового, свободного, критического и исторического облика эпохи. Смех всегда противостоял страху. Ренессанс сформировал новую нравственность, позволяющую человеку не только осознать себя значимой частицей вселенной, но и, посредством смеха, преодолевать зло. Уже в средневековом комизме было предчувствие: грядет победа над страхом. Именно через смех человек преодолевал страх.

В создании смехового мира писателя активно участвуют семиотические механизмы, проявляющие себя при воссоздании современной писателю семиосферы. Как отмечал Ю. Лотман, «внутреннее пространство семиосферы парадоксальным образом одновременно и неравномерно, асимметрично, и едино, однородно» [10, с. 116]. Более того, наряду с механизмами стабилизации саморазвивающаяся система должна иметь механизмы дестабилизации, механизм для выработки неопределенности. Именно смех является той составляющей любой семиосферы, которая активно вступает в конфликт с доминирующей знаковой системой. Смех обнажает тонкие грани социальных отношений, обновляет мироощущение и в то же время разрушает установленные правила, вскрывая пороки и демонстрируя несостоятельность прежнего социального устройства. Смех одновременно «и разрушительное, и

созидательное начало... смех показывает бессмысленность и нелепость существующих в социальном мире отношений: отношений причинно-следственных, отношений, осмысляющих существующие явления, условностей человеческого поведения и жизни общества» [8, с. 3].

Не менее важен нормативный аспект смеха как одного из регуляторов ценностных установок. В таком ракурсе смех обретает нравственно-культурное значение как механизм обострения и последующего разрешения противоречий сущего и должного. «Именно по этой причине, – указывает А. Козинцев, – смех чаще всего находится под спудом и терпеливо ждет минуты, чтобы шумно ворваться в любой зазор, любую брешь между периодами серьезной деятельности и на время переключить нашу установку с серьезной на игровую, вернуть нас к доречевому и докультурному состоянию, к негативистской социальной игре предчеловеческой поры» [6, с. 125]. Ворваться, временно заблокировать речь, «отменить» культуру – и снова стихнуть, притаиться, уйти в подполье, уступив речи и культуре их законное место. Коды комического (юмор, сатира, пародия, гротеск) далеко не всегда встречаются в художественном тексте изолированно. Комическое произведение призвано вызывать смех, который может иметь до сорока оттенков: от ухмылки до гомерического хохота. Но за комическими эффектами (абсурд, гротеск, ирония, игра слов и т. д.) следует разглядеть смеховые аллюзии, на которые указывают скрытые в тексте художественные коды (пародия, гротеск). Сатирическая же направленность текста более открыта и направлена в сторону социальной и моральной внелитературной реальности.

Концепция древнерусского смеха основана на признании смеховой культуры как некоей системы, антимира в его цельности. Смех предстает как разрушитель настоящего мира, имеющий и созидательное начало. При этом антимир не реален и именно поэтому смешон. Но, считает Д. Лихачев, «обнищание народных масс в XVII в. было настолько сильным, что антимир стал сильно походить на реальность и не мог восприниматься как антимир» [8, с. 37]. Для древнерусского юмора характерно такое явление, как балагурство. Балагур умышленно употребляет слова в неправильном их значении, дает неверную этимологию, связывает слова, схожие по звучанию. В балагурстве значительную роль играет рифма. «Рифма провоцирует сопоставление разных слов, «оглушает» и «обнажает» слово. Рифма... создает комический эффект» [8, с. 302]. Именно на балагурстве основан юмор таких произведений, как «Калязинская челобитная», «Роспись о приданом», «Лечебник на иноземцев», «Повесть о Фоме и Ереме». В «Калязинской челобитной» богомольцы, жалующься на «архимарита» Гавриила, перечисляют его «грехи»: «Да он же, архимарит, проторно живет, в праздник и в будень нашу братью кует. Да он же об нас батоги приламал и шелепы прирвал, и тем казне поруху учинил, а себе он корысти не учинил» [5, с. 386].

Беззлобным юмором, построенном на оксюморонах, бессмыслице, логических нарушениях, языковой игре пронизаны большинство произведений демократической литературы XVII в. Достаточно обратиться к

«Лечебнику на иноземцев», «Повести о Шемякином суде», «Посланию доверительному недругу», «Повести о Ерше Ершовиче», чтобы убедиться, что заложенные в их поэтике юмористические приемы не потеряли значения и по сей день. С юмористическим кодом низовой литературы тесно связан сатирический. Распространение письменности в народной, демократической, среде содействовало резкому социальному расслоению в литературе, позволило демократическому писателю, прикрываясь маской смеха, обличать несправедливость, по словам Д. Лихачева, «верхнего мира». В «Азбуке о голом и небогатом человеке» герой «валяет дурака», паясничает, балагурит и одновременно исподволь обличает: «Аз есмь голоден и холоден, и наг, и бос, и всем своим богатством недостаточен» [1, с. 157]. Мир, в котором живет герой, несправедлив, жесток и неразумен, поскольку допускает такое состояние человека. В «Повести о бражнике» оказываются посрамленными святые, не желающие пускать простолюдина в рай. Здесь и пародия, и юмор, и сатира на общество, не признающее подобных «героев».

Сатира уникальна, так как ее финальная перспектива отличается от таковой любого другого жанра. Для сатиры характерны два момента: остроумие или юмор, основанные на фантазии, на гротеске или абсурде, и объект обличения. Механизмом комического в сатире является восприятие читателем несоответствия между социальной и моральной реальностью, известной ему, и смешным искаженным представлением этой реальности в сатирическом тексте. Сатира может объединяться с иронией, тем самым подчеркивая несоответствие объекта осмеяния с нравственными нормами. Так, в «Скорописной азбуке XVII в.», иронически описывая свое житье, герой в заключении приходит к сатирическому обличению: «Фома поп глуп, тот греха не знает, а людей не спрашивает, на пропой денги с прихожен берет, в карман себе кладет, а о церковном строении не радит и ослабу людям творит, и на том ему, попу батку, священнику, спасибо» [11, с. 160].

Соответственно, обнаружение комизма в самой средневековой культуре и средневековых текстах выглядит вполне закономерным. «Оппозиция «античность – средневековое христианство», проецируясь на область смеховых форм, рождает противопоставление смеха языческого, дионисийского, безразличного к человеческой личности и выражающего лишь наслаждение существованием, и смеха, выполняющего определенные этические и эстетические функции, проникнутого если не симпатией к человеку, то обращенным к нему моральным призывом, поскольку вовсе отрицать наличие смеха в христианской культуре уже не представлялось возможным» [3, с. 74]. Однако основным кодом комических произведений русской литературы XVII в. является пародийный. Но, как указывает Д. Лихачев, средневековая пародия имеет свои особенности. «Пародируется не индивидуальный авторский стиль или присущее данному автору мировоззрение, не содержание произведений, а только самые жанры деловой, церковной или литературной письменности: челобитные, послания, судопроизводственные документы, росписи о приданом, путники, лечебники, те или иные церковные службы, молитвы и т. д. и т. п.» [8, с. 11]. Стоит лишь

обратиться к названиям очень многих комических произведений указанного периода, чтобы безошибочно узнать пародийный код: «Служба кабаку», «Калязинская челобитная», «Байка про старину стародавнюю», «Лечебник на иноземцев», «Свадебный указ», «Роспись о приданом» и т.д. Даже если в названии произведения пародийный код не указывается, как, например, в «Сказке», «Духовном завещании Елистрата Шибаева», то все построение таких произведений указывает на данный код. Так, в «Духовном завещании...» герой, отходя в мир иной, завещает близким ему людям все «свое» добро: «Жене моей Наталье Дмитриевне – в награждение все 24 часа в сутках... Невестушке моей любезной ... – три пуда с четвертью медвежьяго плясания. Дедушке моему Тимофею Алексеевичу – 6 пуд самой лутчей щирой моей лжи» [4, с. 252]. Код пародирования тесно связан с кодом юмора. Как указывает Лихачев, «авторы средневековых и, в частности, древнерусских произведений чаще всего смешат читателей непосредственно собой... Снижение своего образа, саморазоблачение типичны для средневекового и, в частности, древнерусского смеха» [8, с. 7]. Взаимодействие пародийного и юмористического кодов явно прослеживается в таких произведениях, как «Азбука о голом и небогатом человеке», «Служба кабаку», «Лечебник на иноземцев» и многих других.

Таким образом, в русской демократической комической литературе XVII в. явно прослеживается взаимосвязь трех комических кодов: юмористического, пародийного и сатирического. Они могут быть представлены в произведении в разной степени, в разной комбинации, однако в обязательной мере несут в себе узнаваемые «знаки», формы, стилистические приемы. Однако сатирический код, по нашему мнению, вторичен, он раскрывается, узнается лишь после пародийного или юмористического. Как указывал М. Бахтин, для средневекового смеха характерна карнавализация [2]. Для Руси XVII в. такое своеобразное этнографическое, культурологическое явление, как карнавал, не характерно. Но, поскольку русская литература развивалась в русле западноевропейской, то отдельные мотивы карнавала нашли в ней место. Пародия, юмор, балагурство, широко представленные в русских демократических комических повестях XVII в., составляют те коды комического, которые позволяют говорить об определенной степени карнализации сознания человека средневековой Руси. Юмор и смех были приняты как существенные свойства средневековой жизни и ментальности. Однако юмор, обладая национальными особенностями, вырабатывает и различные художественные коды, которые могут быть объектом дальнейшего исследования европейского смехового мира XVI–XVII вв.

Библиографические ссылки

1. Азбука о голом и небогатом человеке // Сокровища древнерусской литературы. Сатира XI – XVII веков. – М.: Советская Россия, 1987. – С. 157.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Языки славянских культур, 2010, т. 4. – С. 7–517.

3. Голозубов А.В. Средневековый смех в интерпретации постмодерна / А.В.Голозубов // Гуманітарний часопис. – 2009. – №2, С. 72–83.
4. Духовное завещание Елистрата Шибаева // Сокровища древнерусской литературы. Сатира XI – XVII веков. – М.: Советская Россия, 1987. – С. 251–253.
5. Калязинская челобитная // Сокровища древнерусской литературы. Сатира XI–XVII веков. – М.: Советская Россия, 1987. – С. 385–390.
6. Козинцев А. Г. Человек и смех / А.Г.Козинцев. – СПб: Алетейя, 2007. – 240 с.
7. Лелис Е.И. Синергетика художественного текста / Е.И.Лелис // Славянские чтения, Кишинев, 2005. – С. 18–32.
8. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси / Д.С.Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. – Л.: Наука, 1984. – 296 с.
9. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения /А.Ф. Лосев. – М.: Мысль. 1978. – 623 с.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М.Лотман. – М.: Языки русской культуры. – 464 с.
11. Скорописная азбука XVII в. / Сокровища древнерусской литературы. Сатира XI–XVII веков. – М.: Советская Россия, 1987. – С. 159–160.

Надійшла до редколегії 30 вересня 2014 р.